

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-99-106

[Лингвистическая экспедиция
в контексте камчатских реалий]

Александр Н. Барулин

[Linguistic fieldtrip to Kamchatka]

Alexander N. Barulin

Фрагменты, предлагаемые вниманию читателей, написаны на основании дневника, который я вел во время лингвистической экспедиции на Камчатку в 1972 г. Это была шестая по счету экспедиция по описанию бесписьменных языков народов СССР, в которой я участвовал. Все они были организованы кафедрой структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Каждый год от кафедры посылается три партии. Одной из них руководит А.И. Кузнецова, другой – Е.Ю. Городецкий и третьей – А.Е. Кибрик. Всеми экспедициями, в которых был я, руководил А.Е. Кибрик. Мы побывали на Памире, объехали почти весь восточный Кавказ, дважды работали на Камчатке. И каждый из этих краев поражает чем-то своим. Впечатления от них не наслаиваются одно на другое, а лежат каждое на своем месте, драгоценные отпечатки Красоты.

* * *

Карта. Наша Вывенка находится на севере Камчатки, на восточном ее побережье, в центральной части залива Корфа, а именно в том месте, где в океан впадает неглубокая, но широкая река Вывенка. Название «Вывенка» происходит от корякского слова «уиунэнг» – камень. В этом небольшом поселке живут русские и олюторцы. Раньше считали, что язык олюторцев – один из диалектов корякского языка. Теперь лингвисты склонны считать его самостоятельным языком. Занимаются здесь в основном рыболовством и оленеводством, кроме того, вывенцы – большие любители охоты.

Само по себе прибытие в Вывенку для меня оба раза было простым.

Случилось так, что мы с Игорем Александровичем Мельчуком отстали от экспедиции и добирались от райцентра Тилички до Вывенки не вертолетом, как все остальные, а в шкиперской каюте плоскодонной баржи, называемой здесь плошкоутом. Уже в аэропорту и порту Тилички Корфе нам стало известно, что устье Вывенки «замыло», т. е. занесло песком, и проход в реку почти не возможен. Шкипер нашего плошкоута Федя – как он отрекомендовался – объяснил нам, что вообще-то это редко бывает и что поселок уже третий день сидит без почты, и связь с ним очень плохая. Еще он рассказал нам, что поведет плошкоут буксир лучшего в Корфе капитана, которого специально сняли для этого рейса с каких-то других работ. Потом он велел нам спуститься в каюту и не показываться на палубе до самого прихода в Вывенку. Дело в том, что перевозка пассажиров на буксирах и плошкоутах строго запрещена местными законами, хотя чаще всего это единственный способ туда добраться, так как никакого специального средства доставки пассажиров туда не имеется вовсе. За нарушение этого правила, как нам объяснили, в первый раз берут штраф 10 рублей, во второй – изымают шкиперские или капитанские удостоверения.

После двухчасовой болтанки я все же решил высунуть нос наружу. Федя в брезентовом плаще с капюшоном стоял у руля и, стараясь по кончику мачты, видневшемуся из-за груды теса на палубе, угадать положение буксира, направлял посудину. Но плашкоут все равно, словно слепой, рыскал из стороны в сторону, упирался, казалось, даже мотал головой, стремясь освободиться от узды, на которой тащил его за собой маленький невозмутимый буксиришка.

Небо брюзжало мелким противным дождем и, отяжелев какой-то сыростью, глухо надвинулось на океан. Начинало темнеть. Справа проплывает сумрачная земля, проступавшая в тумане то сырой чернотой, то тусклыми белыми пятнами снега, подходившего к самой воде.

– Что это за домики на берегу, Федя?

– А эт, Сань, здесь японцы жили. У них там рыбзаводик маленький был. Жили как сельди в бочке. Видать, привычные: у них там в Японии места мало. Сань, будь другом, поддержи руль, я сбегая свитер натяну.

– А далеко еще?

– Подходим.

Я возбужденно выскочил на палубу и стал вглядываться, стараясь припомнить полузабытые очертания берегов вывенского устья. Росло нетерпение, которым обычно кончается дальняя дорога. Глазам не терпелось освободить память от старых воспоминаний, рукам – обнять старых знакомых, ногам – бежать кому-то навстречу.

– Тока пока в устье не войдем, – вдруг осадил появившийся опять Федя.

– Как не войдем?

– Так не войдем: опасно сегодня, видишь – темно, и вода не полная, отлив начался, не успели мы.

– А когда же?

– Может завтра. Ночевать на рейде будем.

– Вот черт!

Мы с Игорем Александровичем еще долго выпытывали у Феди, не пойдет ли туда буксир и не возьмет ли он нас с собой, но он твердо говорил «нет» и объяснял нам, как это опасно, быть на буксире, когда он проходит замытое устье.

– Там, понимаешь, два течения сталкиваются. Одно – прилив с океана идет, а другое – река в океан прет, и как они сходятся, так в том месте такие волнищи образуются – упаси господи. А тут устье замыло – значит на мель можно сесть.

– Да-да, как у нас в прошлом году вышло.

Я вспомнил, как это было.

С «Николаевска», большого белого дизель-электрохода, бросившего якорь примерно в миле от устья специально, чтобы нас посадить, нас в огромных сетках опустили на маленький буксирчик, пришедший из Усть-Вывенки – поселка рыбаков, расположенного на противоположном нашему берегу реки. И мы отчалили, чтобы, как мы думали, минут через 10–15 вступить, наконец, на долгожданную олюторскую землю.

Буксирчик развернулся и, то скатываясь и зарываясь под волну, то взбираясь ей на самый гребень, неторопливо тарахтя, направился к берегу. «Николаевск» еще некоторое время провожал нас праздными глазами своих пассажиров, потом он гуднул на прощанье, поднял якорь, и мы отвернулись от него к тому, что ждало нас впереди.

После долгих пасмурных дней небо впервые стало проясняться. Тучи постепенно из грозных превратились сначала в угрюмо серые, потом в пикантно прозрачные, вдруг вдалеке появилась тонкая нежная голубая полоса. И сразу приковала к себе взгляд свежая, чистая, полнокровная, как неожиданный румянец на безнадежно-бледном болезненно сером лице. Голубизна его была словно глоток кислорода в душной комнате. И вот уже блестят человечьи глаза, и вот уже прилила буйная энергия к мышцам, возбужденно заколотилось сердце, а голосовые связки почувствовали, как подпирает их изнутри мощная струя обогащенного воздуха. И неожиданно совсем рядом ударило по воде, брызнуло ярко в глаза, ослепительно засверкало на гигантской спине океана рыжее сумасшедшее солнце. И сразу навалилась на глаза сверкающая белизна снегов на сопках, яркая зелень травы присопочья, изумрудная глубина бездонного океанского чрева. А люди только могли сказать друг другу бессмысленные фразы: «Смотри! Солнце!». Безбожники вспоминали бога, а слабые чувствовали себя не в силах смотреть на это великолепие в одиночестве и теребили друзей.

Мы в волнении разбрелись по палубе буксирчика и, ничего не подозревая, наслаждались этим долгожданным солнцем, новыми впечатлениями и их предвкушением. Мы не заметили, как метрах в ста от устья исчез в рубке разбитой не очень трезвый капитан, все время торчавший на палубе и полуматом объяснявший мужчинам, что на самом деле такое Камчатка, как увеличились справа и слева от нас волны, и даже то, что буксирчик вдруг встал, не показалось таким уж страшным событием. Мы смотрели на берег и лишь в последний момент заметили, как сзади стало подниматься что-то огромное. Кто-то обернулся и удивленно сказал: «Смотри!». Мы обернулись вслед и увидели, что где-то уже на уровне груди по-над нами стоит, словно разинув мутно зеленую пасть, огромная волница, уже в следующее мгновение вонзившая в нас свои нетвердые десна. К счастью, удар был не так силен, как, казалось, должен был быть, и она схлынула, никого не съев, пропитав лишь до нитки все, что смогла обхватить желтоватой ледяной жижей.

– В трюм! – услышал я над головой пронзительный крик капитана, – Девчонок в трюм! Рюкзаки держи! – У него было в кровь разбито лицо. Он метеором пролетел на корму и обратно и снова исчез в рубке. А над утлым нашим суденышком вставала уже новая, в полтора раза большая волна. И еще только она поднималась, как сразу стало ясно: накроет с головой. Кораблик сначала доверчиво накренило в ее сторону, потом вдруг резко выпрямило, и он шарахнулся от этой падающей на него громадины, но было поздно. Она навалилась на него всей своей плотной тяжелой тушей и придавила

почти бортом ко дну. Все это происходило настолько быстро, что никто из нас не успел почувствовать никаких эмоций ни перед первой, ни перед второй, ни перед третьей волной, гораздо меньшей, чем вторая, но не менее опасной. Никто даже не помнил, как и за что он держался. Мы поняли, что нам грозило, лишь после того, как все уже было позади. После того, как мы выловили второй из унесенных волнами рюкзаков, обменялись сухой или полусухой одеждой и поделились первыми впечатлениями...

Теперь, в каюте плашкоута, нам не грозило ни быть смытыми за борт, ни вымокнуть, ни даже промочить ноги. Волновало само повторение начал. Кроме того, меня мучал интерес к врагу. Хотелось спокойно рассмотреть, как выглядят эти громадины.

Наутро погода немного исправилась. Море вокруг было довольно спокойным.

– Сейчас пойдем. Вода полная, – прокомментировал обстановку Федя. И мы пошли. Метрах в двухстах от горловины устья Федя велел всем «немедля» спуститься в каюту «И чтоб носу не видать!». Тем не менее я решился проследить всю процедуру прохождения устья и, приоткрыв люк, притаился. Нарастало напряжение. Как и ожидал Федя, в устье буксирчик сел. Видно было, как вхолостую заработали с натугой его винты, как накрыла его первая большая волна. Плашкоут имел меньшую осадку. Его больше никто никуда не тянул, и, потеряв ориентировку, он сразу оробел и, казалось, без всякого смысла вертелся возле буксирчика: то жался к нему, то, наоборот, шарахался, а волны нещадно били его со всех сторон, то наподдавая под зад, то дубася вбок. И все это время, осуществляя какую-то очень важную деятельность, на палубе находились Федя и его совсем молодой помощник Саня, мой тезка, командированный на Камчатку каким-то предприятием Куйбышева на время путины. От их мастерства и воли теперь многое зависело. Нужно было направить плашкоут так, чтобы он стукнул буксир по корме и сдвинул его с мели. Однако увидеть, как они это делают, мне не удалось, так как следующая волна накрыла плашкоут и вместе с ним Федю и Саню, а я едва успел захлопнуть крышку люка. Затем раздался скрежет металла по песку и сильный толчок. Я снова открыл люк. Первое, что я увидел, было окровавленное лицо Феде. Он что-то натужно кричал своему помощнику. А над бортом уже вставала следующая волна, и нужно было сделать ее спасительной. Напряжение достигло предела. И вот эта вздыбившаяся зыбучая океанова плоть будто взвалила корму на свои могучие плечи, развернула ее так, что нос оказался где-то внизу, чуть не под кормой буксирчика, с размаху швырнула плашкоут на его движитель, прокатилась под днищем и, вздыбив нос, обрушилась на маленький ко-

раблик, на мгновение скрыв его от глаз. Получив два этих мощных удара, буксирчик сполз, наконец, со своего опасного постамента и, облегченно тарахтя, бойко и полезно забуравил воду винтами, задирая носом мелкие волнушки. Обвисшая кривая троса снова подобралась, вытянулась в прямую линию, и он потянул за собой плашкоут. Федя оставил на палубе Саню и спустился в каюту залепить пластырем крупную ссадину. Он был без шапки и до нитки мокрым. А на палубу буксирчика вышел тоже до нитки мокрый капитан и что-то закричал в нашу сторону, размахивал шапкой и поднимал над головой сплетенные в приветственный знак руки.

* * *

Старая школа, приютившая нас в Вывенке, стоит на самом краю вытянутого вдоль берега поселка, в той его части, которая ближе к устью. За ней есть еще только маленькая дизельная электростанция и меховая мастерская, где выделывают оленин шкуры, шьют из них памьяуи – меховые «носки», надеваемые внутрь торбасов – меховых сапог на подошве из нерпичьей шкуры, торбаса, тапочки, отделанные пушистым заячьим мехом и расшитые бисером и стеклярусом. От школы же начинается длинная коса; слева течет студеная Вывенка, справа – дни и ночи напролет грохочет солеными валами такой же холодный Тихий океан. В километре от поселка коса упирается в устье Вывенки. Туда-то в перерыве между работой я и направляюсь. Мне хочется посмотреть на нерп, которые во множестве плавают там, заняв удобную позицию для охоты на горбушу – в июле она идет в реки на нерест. Стоит обычный для Камчатки пасмурный день. В меру холодный несильный ветер задиристо будоражит океанскую поверхность, и океан ворчит на него, ударяя волнами в твердый песок берега, и устрашающе щетинится белыми барашками. На мне высокие охотничьи сапоги: я надеюсь поймать несколько рыбин на ужин. В прибой океан часто выбрасывает зазевавшуюся горбушу на берег. И я иду по самой кромке воды, по той полосе, которую океан с землей еще не поделили, и она отходит то к суше, то к морю. Волны сначала встают наизготовку, потом, грозно рыча, роя под собой землю, сворачиваются в упругий тяжелый молот и с грохотом распластываются на своей нерушимой наковальне. Тут главное – не прозевать. Вот уже совершают они свой стремительный набег, и я едва успеваю отпрыгнуть в сторону. А волны с трофейными песчинками с таким же шумом снова откатываются назад, оставляя на берегу давно украденные или завоеванные старые вещи. Их уже много лежит на берегу. Это целый музей. Чего здесь только нет: куски разорванных сетей с нашими стеклянными и японскими пластмассовыми шариками-поплавками,

какие-то пестрые пластиковые ленты, бутылки из-под водки, из-под японского джина, из-под виски, яркие хитиновые останки крабов, куски желтых, зеленых, красных японских тросов, полиэтиленовые синие сеточки для волос и т. д. и т. п. Иногда океан оставляет на берегу целые деревья, давно погибшие, бог знает сколько лет скитавшиеся по негладким океанским дорогам. Высохнув, они становятся белыми, как мел, и напоминают скелеты причудливых животных.

Но вот в метрах пятнадцати от меня сверкнула и забилась в мелкой отступающей воде большая рыбина. Я бросаюсь в погоню, но меня опережает неожиданно свалившаяся с неба чайка. Она выволакивает горбушу на песок и, мигом выклевав ей глаза, зарывается клювом под голову. Через несколько мгновений она уже со скучающим видом смотрит по сторонам, будто ищет предлог бросить рыбу недоеденной, и затем, посмотрев в мою сторону, лениво летит прочь. Я подхожу посмотреть на чайкину работу. Голова горбуши почти цела. Соединяю полураскрытый рыбий рот: нижняя челюсть выступает из-под верхней, значит, это самка, и у нее должна быть икра. Однако, вспоров брюхо, я с удивлением вижу, что почти вся икра уже съедена более проворным охотником. Это была чайка-лакомка. А может быть, они вообще едят одну икру и глаза? Нет, буквально через два шага я натыкаюсь на настолько тщательно выпотрошенную оболочку горбуши, что она уже похожа на спущенный воздушный шар.

Подходя к устью, я начинаю идти осторожней и даже пригибаюсь. Уже издалека видно, что вся поверхность воды здесь, словно круглыми свайками, утыкана гладкими черными головами нерп. Мне хочется рассмотреть их поближе. Но все мои усилия оказываются напрасными: едва я приближаюсь к берегу, ближайшие «свайки» весело показывают мне свои блестящие зады и исчезают под водой. Неожиданно начинает сгущаться туман. Я еще некоторое время успеваю полюбоваться играми нерп. Но туман грозит перейти в мелкий дождь, и мне приходится отправиться восвояси. Возвращаюсь я берегом реки.

Ни неба, ни земли. Взгляд с трудом отвоевывает у пространства мгlistый сырой полый шар, горизонты которого можно потрогать рукой. Идешь как в коконе влажном мягкой паутины. Это все, что осталось тебе от мира. Изучай, если хочешь. Ты сам себе земная ось. Голова – северный, пятки – южный полюс. Откуда-то с востока сквозь тяжелый полог, плотно сотканный из мелких капелек сырости, доносится мощный шум невидимого океана. Это теперь другая планета. Оттуда врывается в твой мир сильный порывистый ветер, неся с собой, как метеорный поток, и с размаха швыряя

в лицо капли тумана. Ни неба, ни земли. Ты ведешь свой корабль по карте поселка, сложившейся в памяти. Изредка правильный курс подтверждается ориентирами, как призраки вползающими в твой мирок. Вот справа по-над водой торчит из тумана бревно. Значит, ты проходишь помятый обгрызенный причал, а слева сейчас будет подъем к длинному, вечно гудящему барaku электростанции, в котором все ходит ходуном, даже земляной пол. Гул ее приближается и затихает, и справа вырастает серая панельная стена. Это – заброшенная лет пять назад стройка новой двухэтажной электростанции, напоминающая о былом богатстве вывенского колхоза. Вокруг возведенных до второго этажа стен все еще стоят леса. Внутри стен ржа доедает полуразбитые, полуразобранные, но все еще стоящие в огромной, почти целой таре дорогие механизмы. Теперь это полигон для мальчишек, которые с утра до вечера, крича здесь «ура», сдают и берут друг друга в плен, по десяти раз на дню «грабят», «убивают» друг друга или тихо сидят и понимают жизнь. А леса и механизмы напрасно ждут взрослых: взрослые должны государству 20 млн руб. Напротив стройки наша школа. Я замерз и иду греться.